

КРО КО ДИЛ

К 556
11

ФАЛЬШИВКИ

СЕЙЧАС простаков осталось немного,
Но, может быть, скажет иной простак:
— Не верю я, что служители бога
Пишут фальшивки! Тут что-то не так!

И, несмотря на доказанность факта,
Долго будет чесать язык,
Потому что этот самый простак-то
Фактам верить еще не привык.

Зато он верит в божью милость,
В ангелов, в святцы и в чудеса,
В печонки и в сердце ему врезалась
Детская вера в поповский сан.

И трудно понять простаку такому,
Тайком хранящему доски икон,
В какой глухой и глубокий омут
Церковь тащила таких, как он...

Что там фальшивки против Советов
С наглым враньем и штампом „ЦЪКМ“, —
Мы знаем обманы хитрей, чем этот:
Фальшивки, которые жили века!

Фальшивки — оплот вековых насилий,
Из-за которых травили и жгли,
Фальшивки, которые тормозили
На тысячи лет движенье земли.

И среди прочих церковных фальшивок
Всех ядовитей и тоньше та,
Которая в притчах туманно-слезливых
Нам говорит о жизни Христа.

Какой бесподобно хитрый мастер
Изготовил эту тончайшую сеть,
Уверив рабов, что рабство — счастье
И высшая радость — умереть.

— Отдай богатым тело и разум!
Молчи, голодай и люби врагов!
И эти — сейчас смехотворные фразы
Служили лучше стальных оков.

Проходит время для басен лживых, —
Немецкий рабочий теперь не таков:
Шесть миллионов — против фальшивок,
Шесть миллионов — за большевиков.

Вас. Лебедев-Нумач

(А. Бродский)

ЧИСТО НЕРВНОЕ

— Что вы делаете, святой отец? Воззвание Коминтерна подписываете словом „аминь“?!

№ 35

• ЦЕНА 25 КОП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

КРОКОДИЛ

№ 35. МОСКВА. ДЕКАБРЬ 1932 г.

ГЕРМАФРОДИТ ПОНЕВОЛЕ

ВЕРНУВШИСЬ из Нисловодсна, где он лечился в кардиологической клинике им. Ленина, воевнслужавший Абрамов подвергся многим неприятностям. Жена, внезапно разрыдавшись, потребовала немедленного развода. Друзья с интересом разглядывали его, а наиболее нервные шарахались в сторону. Наконец, знакомый директор музея повел мрачные разговоры о приобретении трупа...

— Какого трупа? — испуганно спросил Абрамов.

— Вашего.

— Но ведь я живой?!

— Ничего, мы подождем, — успокоил директор.

В конце концов совершенно ошалевший Абрамов заметил,

что странности в поведении окружающих появляются после того, как они заглянут в его нурортную книжку. Тогда и он раскрыл эту зловещую книжку и прочел:

„Основное заболевание — нервастения.

Сопутствующее заболевание — выпадение матки.

Подпись: Лечерач А. Иванов“.

Неприятности продолжают. Несчастный утешается только тем, что если б рассеянный А. Иванов начертил в графе „сопутствующих заболеваний“ — „пропаза“ или „буйное помешательство“, то последствия были бы еще трагичнее.

ПОДУМАЕШЬ — БУКВА!

В МОСКВЕ любят грибы. Под сметаной или в мариннованном виде, — не будем разбирать. Остановимся на том незначительном, но выросшем в таинственное событие факте, что в заготовительный пункт, в Микулихино Городище, была направлена телеграмма:

„Деньги переведены на ваш текущий счет. Срочно шлите грибы“.

„Была жуткая осенняя ночь, — как пишут матерые романисты, — когда дрожавшими руками зав. пунктом развернул роковую телеграмму“... Телеграмма оказалась действительно странной, даже если и не было жуткой осенней ночи. На телеграфном бланке четко значилось:

„Деньги перевел на ваш текущий счет. Срочно шлите грибы“.

Нам неизвестно, закончил ли после этого заготовительный пункт засушку грибов и приступил ли он немедленно к выделке недорогих гробов для московского населения. Скорее всего, что нет, и в Москву были отправлены опята и грузди, а не свежеструганые помещения для нетерпеливых покойников. Но нам известно, что со всех концов СССР идут жалобы на милые шуточки телеграфа. Не пора ли посерьезнее отнестись к этой лихой шаловливости сонных растяп у проволоки и аппаратов?

К. Унывалов

ЛИХИЕ ПАРНИ

ТАКОЙ уж у нас неудобный строй, что без достаточной политграмотности даже извозным промыслом заниматься трудно. Поэтому даже возчики, когда-то сплошь неграмотные, очень охотно и с большим интересом читают газеты. Очень хорошая привычка. Если бы ее переняли от возчиков сотрудники томского „Красного знамени“, это бы пошло им только на пользу.

Во всяком случае в № 32 упомянутой газеты не появилось бы сенсационного известия, повергшего нас в грустное недоумение:

„Захват Германией Манчжурии“...

По нашему мнению, в твердом уме и здравой памяти спутать Германию с Японией довольно мудро. Даже при желании сказать и свое веское слово по поводу международного положения. Но „Красное знамя“ не прочь вмешаться и во внутреннюю политику СССР с не менее сенсационным подходом. Так, в объявлении некоей гражданки, потерявшей документы и 210 руб., редакция предлагает означенные 210 руб. наравне с документами:

„Считать недействительными“.

Сумма, конечно, не такая уж страшная, но вряд ли кто-либо согласится аннулировать ее.

Не стоит для одного города заводить собственную международную и финансовую политику. И хлопотно и глупо. Лучше уж завести другой состав газетных работников, — и весело и полезно! Газетная кухня подлечит такой же вентиляции, как и всякая. Откройте форточки, товарищи, что-то безграмотностью пахнет.

Ив. Жабин

ШКОТСКИЙ ЗАГОВОР

УЧЕМ ТОЛЬКО не занимается подчас человек! Вот, например, на постройке дома отдыха партактива, производимой в Самаре Крайгравжданстроем, массу хлопот людям причиняют... лошади.

Так, в октябре техником Кашириным был представлен в бухгалтерию наряд: „Артель из 6 человек плотников работала над вытаскиванием упавшей лошади из оврага с постановкой на ноги. Во время работы произошел простой, в виду дождя, по 2 часа у каждого плотника“.

Очевидцы утверждают, что эта доблестная артель сумела окаянную скотину поставить до простоя лишь на передние ноги.

Другая лошадка подложила еще более скверную свинью. Вздумалось ей от „хорошей“ жизни протянуть ноги. Скавано — сделано. Завалилась на бок, глаза тусклые сделала и пену пустила. Пришли люди, посмотрели:

— До утра не дотянет. Составили акт.

А наутро мертвую лошадку не нашли.

А еще черев несколько дней она оказалась живой и здоровой и работающей в другой организации.

Прямо не лошадь, а летун какой-то. И симулянт.

Намор

МЛАДЕНЕЦ-СКЕПТИК

В БЕРЛИНЕ

— Не плачь, детка. Скоро папа с работы придет, мне получку принесет, а тебе — ирушек хороших, хороших...
— Блось сказки ласкаывать!

ПОДОЖДИ НЕМНОГО...

Ринулся с вокзала Москвичей поток. Жмет провинциала И толкает в бок... Скромник смотрит строго, Думая: „скоты!..“ Подожди немного, Давнешь в бок и ты!

Л. Б.

„ИЩЕЛЕНИЕ“

В ОДНО учреждение, густо уставленное столами, вошел, постукивая палкой, гражданин в темных очках. Сидящая у двери сотрудница сейчас же окликнула его:

— Вам кого?

— Заведующего.

— Он сидит вон за тем столом, прямо. Но его сейчас нет. Он занят в другом учреждении.

— А где его заместитель?

— Зам работает за той вон чернильницей, налево,

— указала сотрудница. — Но его сегодня не будет, он на заседании.

— Ну, дайте мне хотя бы управделал! — взмолился неудачник.

Равнодушная, как судьба, девушка отвечала:

— Он занимается за тем вон столом. Но сейчас он в командировке.

— А делопроизводитель?

— Он вышел.

Тогда посетитель снял темные очки и сказал:

— Я слепой от рождения, но теперь я вижу!

— Как интересно! — воскликнула девушка. — А что вы видите?

— Я вижу, что здесь не учреждение, а богадельня.

Г. Т.

ВЗРЫВ ХЛОРОПИКРИНА И ТУПОУМИЯ

В общежитие бобруйского комбината „Белдрев“ недавно явился человек с газовым баллоном и отрекомендовался уполномоченным по борьбе с клопами. Человек долго и безуспешно пытался открыть баллон. Потом раздался оглушительный взрыв. Баллон поспешил разорваться досрочно.

Клопы отделались легким нервным потрясением. Люди же принялись подсчитывать ушибы и ожоги.

Оказалось, что замдиректора комбината тов. Вейс заставил первого попавшегося счетовода вооружиться баллоном и срочно приняться за уничтожение клопов в общежитиях. Тщетно счетовод умолял освободить его, так как он никогда этим делом не занимался. Тов. Вейс ему пригрозил административными взысканиями.

Мы больше всего опасаемся за судьбу самого тов. Вейса.

А вдруг у него обнаружится, например, аппендицит? Тогда тов. Вейс, верный своим принципам, заставит ночного сторожа сделать ему, Вейсу, операцию.

ТРУДНОЕ ДЕЛО

— Что это ты весь пособия обложился?.. Техническая энциклопедия, медицинская, курс высшей математики, общая патология болезней, теория паровых двигателей... Зачем тебе все это?

— А это я, видишь ли, рассказик собираюсь писать для детей младшего возраста. Теперь иначе нельзя.

ПРОСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Работа в ЗРК Сталинградской лесобазы построена, по признанию председателя тов. Аляева, на случайностях:

„В аппарате — случайные люди“.

„В ларьке случайно обнаружены шесть буханок белого хлеба, которые случайно продавец не хотел продавать“.

„Случайно сгноены 24 тысячи огурцов“.

„Брезентовые полуботинки случайно достались только ближайшим сотрудникам (случайным людям)“.

„Случайно сорвано снабжение рабочих картофеля“.

И среди этих постоянных случайностей нет только одной: нет случая, чтобы продукт в неприкосновенности дошел до потребителя.

„СТРАХОВКА“

— Зачем ты такую уйму авансов нахватал?

— А чтоб дольше не сократили.

(Страничка иллюстрирована Л. Генчел)

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(К. Елисеев)

ОПОРТУНИСТ: — Напрасно меня обвиняют в том, что не было никакого повода для невыполнения хлебозаготовок.

ВЕЧЕР УКРЕПЛЕНИЯ МАССОВОЙ НЕНАВИСТИ

ПРОСТОДУШНЫЙ Брякин приезжал в центр из Тудьева по командировке. Думал, кстати, устроить, но не вышло. Оказался сыроват по части мировоззрения. Это установил сам тов. Мирский — человек авторитетный и подготовленный, большой знаток искусства, как и причастствует ответственному работнику Кожкопытсырья.

Сидел Брякин тихо-смирно у себя в номере гостиницы „Пале-Рояль“ и сушил портянки на трубе парового отопления. Вдруг вбегает Колька и ахает.

— Ну, и деревня! Что же ты сидишь на босу ногу?

— Устал, Коля, целый день улицы перебежавши.

— В центре, друг, сидеть не приходится. В центре человек постоянно движется. Либо по службе, либо в гости, либо в распределители. Обувайся, идем на вечер к Мирскому.

— Зачем же на вечер?

— Здравствуй! Хочешь у него служить, а спрашиваешь — зачем. Установите связь. Он тебя посмотрит с внутренней стороны, поговорит.

— Только не стал бы говорить насчет политграмоты, а то я не очень подготовлен.

— Не бойся, чужак. Ему важно установить общее, так сказать, направление: Поворачивайся!

На вечере у Мирского было роскошно. На диване полулежали изнеженные гражданочки. сильно разнагишенные. На стульях сидели сотрудники с выразительными и вдохновенными лицами. Кушали сыр, иваси и консервы, вино пили из узеньких стаканчиков. В углу играл патефон.

Колька представил Брякина, который добросовестно принялся жать руки всем по очереди, что, повидимому, произвело невеселое впечатление.

— Бросьте, — у нас без рукопожатий, — сказал Мирский, — присоединяйтесь лучше к нашей беседе о Вертинском.

„Сразу засыпался“, — испугался Брякин, — и к чему я руки жал и что это за Вертинский — сроду не читал его“...

— Итак, я утверждаю, — продолжал Мирский прерванный разговор, — Вертинский безусловно одно из ярких проявлений маразма отмирающего класса. Обреченный разлагающийся класс устремляется к проблемам интимных эмоций, заползает в ракушку эгоистической грусти, покаянного размышления и самоковыряния. Слюнявая лирика адюльтерных неудач, типичная для вертинщины, — это суррогат гражданской скорби...

Брякин чувствовал себя совершенно неподготовленным к научному разговору и стал слушать патефон, который исполнял нежную песенку:

*„Ты не плачь, жена моя красавица,
Ты не плачь, жемучка, жена,
В этой жизни многое не нравится,
В этой жизни много раз весна“.*

Мирский вдруг обратился к Брякину.

— Вы вот, так сказать, свежий человек, представитель глубинных тудьевских масс, как вам нравится этот романс?

— Ничего, романсик приятенький.

Все засмеялись.

— Ну, вот видите, — заторжествовал Мирский, — я прав. Массы безусловно воспринимают музыкальную форму как таковую. Они подходят без анализа, не критически. Даша! Закрой дверь на кухню. Вертинский для них — отравка, наркоз. Он отвлекает от строительства, от борьбы. А вы слушаете его, юноша, и говорите — приятенький романс...

Брякин решил исправить ошибку.

— Ежели так, то пластинку можно и под каблук.

— Совершенно ни к чему, — удержал Мирский гостя за руку, — у меня целый альбом Вертинского, и вовсе его не нужно под каблук. Наоборот, мы постоянно его слушаем. В этом весь и фокус диалектики. Для одной аудитории он отравка, а для другой — надежное средство познания классового врага. Нам Вертинский напоминает о его существовании, вызывает отвращение и укрепляет ненависть к нему. Есть еще более сильное воздействие. Сейчас мы будем танцевать фокстрот, и я вас предупреждаю: попробуйте подойти к нему диалектически.

— Постараюсь, — обещал Брякин.

— И вы увидите до каких крайних пределов дошел классовый враг в своем разложении. Утонченная эротика, эпатаж эмоций, одно наслажденчество и ничего больше. Наташа! Покажи товарищу фокс...

К Брякину подошла не совсем одетая девушка и пригласила.

— Вы не танцуете? Это же очень легко!

Она целиком и полностью прикурнула к брякинской груди.

— Обнимите плотней, — учила Наташа, — одну ногу сюда, так, другую — вперед, теперь — поворот — и все сначала. Вот и все. Да не отодвигайтесь, а то получается совсем другая идеология.

Брякин тяжело вздохнул.

— Ну что? — спросил Мирский.

— Действительно, эротика, полная, братцы, эротика. Дух запирает...

— Ненависть чувствуете?

На этом пункте Брякин и был застигнут врасплох.

— Помилуйте, какая же тут ненависть — одно наслажденчество. Вот только пить хочется.

— Так и есть! — рассердился Мирский. — Наташа, прекрати! То же самое. Пассивное восприятие. Я всегда говорил, что массы находятся еще в стадии па д'эспани. Вам, юноша, надо еще очень и очень работать над своим мировоззрением. Читать надо, читать...

Наташа усадила смущенного Брякина, от которого шел дым, и посоветовала:

— Выпейте чаю. Холодной воды не пейте, — простудитесь.

„Срезался“, — решил Брякин и пересел в сторонку.

Гости и сам Мирский спокойно и диалектически танцевали, а Брякин пил чай и зря потел. Никто больше им не интересовался. Ясно, внутреннее ознакомление дало неблагоприятные результаты.

Теперь в Тудьева Брякин упорно работает над мировоззрением, но странное дело! Чем больше он занимается, тем меньше чувствует интереса к методам укрепления классовой ненависти, которые он видел на вечере у товарища Мирского.

Мало того! У Брякина даже ползает и ворочается подозрение:

— А не прохвост ли этот Мирский?!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ДАМЫ

— Это дело жены или мужа?..

— Оба хуже!..

(обрывок разговора).

НЕ встретишь глаз, так сильно пораженных,
Как те глаза,

какими я смотрел

На краску губ,

на штукатурку тел

Тех дев и див,

что часто ходят в женах

Больших мужей,

чье титло „зам“ и „зав“

и чей бюджет, в разделе бабьей сетки,

полез в графу четвертой пятилетки,

как сметный уж и денежный удав.

Им не к лицу беседовать с поэтом!

Онъ кричат, что он безмерно груб,

Суя в труссы

свой андалузский круп,

Тряся грудьми

и мужним партбилетом.

Пред ними я, конечно, очень мал,

Зане онъ пупом и задом бойки...

Но с неких пор

я в деле дачной стройки

Квалифицированным стал.

И если нам не взять у них у м а

(У нищих красть — и жаль и чести мало...),

То жалко мне,

что в их лице пропала

Материалов ценных тьма.

Как расточительны изячные плутовки!

Столь расточительными

быть не смеем мы.

Какие груды охры и сурьмы!

Какой завал олифы и шпаклевки!

Кирпич и бревна домовных лбов!

А черенов роскошные тесины!

А щечный мел! А шеи из резины!

А стекла глаз блистательных коров!

И если б нам

вот этих самых жен

Утилизнуть на фонды Мосснабсбыта,

Была бы вмиг

нужда его забыта,

А план строительный

немедля завершон.

Таков проект.

Скрывать его не смею!

Кто там кричит „материалов нет“?

Я подаю блистательный совет:

Хватайте, братцы, дивную идею

И мой проект

внесите в Моссовет.

ВОСЛОВИЦЫ КСТАТИ

● „С кем поведешься, от того и наберешься“, — сказал зав. отделом снабжения знакомой девице.

● „Семь бед — один ответ“, — заявил хозяйственный-оппортунист, — объективные причины!

● „И через золото слезы льются!“, — вдохнул спекулянт, арестованный за скупку золотых монет.

● „Не место красит человека, а человек красит место“, — сказал новый заведующий, взглянув на грязные стены своего кабинета, и приказал вызвать маляра.

ВЕСКИЙ ПРОТЕСТ

— Если бы мой муж прогулял один день летом, — ну, тогда я еще понимаю. Но ведь сейчас зима, и дни совсем, совсем коротенькие! За что тут увольнять?..

УЗКАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

— Жаль, все-таки Кисточкина. Третий месяц без работы сидит...

— Это почему же?

— Да потому, что ему запретили занимать ответственные должности.

— Ну, так что ж?..

— А больше он ничего не умеет делать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1933 г.

НА ЕЖЕДЕКАДНИК САТИРЫ И ЮМОРА **КРОКОДИЛ**

Подробности читайте в следующем
номере журнала.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год . . . 10 руб. 80 коп.,
на 6 мес. . . 5 руб. 40 коп.,
на 3 мес. . . 2 руб. 70 коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 КОП.

НАШЕЛ ЛАЗЕЙКУ

(К. Ротов)

ЛОПНУЛ ГУСАР

Я ПРИСМАТРИВАЛСЯ к нему издавна. Какой-то он был такой. Было в нем нечто от классической литературы. От Гоголя и от Островского и от Гончарова. Ясно представляю, что встречал его на страницах объемистых „Мертвых душ“ и „В доходном месте“ и в „Обыкновенной истории“.

Похоже — сбрил человек регистраторские усики и бачки, срезал штрипки на брюках в обтяжку, переписал гусиным пером наново и по новой орфографии свою анкету, отрезал от проклятого наследия проклятого прошлого; в особом примечании к анкете прозрачно намекнул на тайную связь покойного папы с домработницей Анастасией, девушкой явно рабоче-крестьянского происхождения и т. д. и т. д.

Он пытался также в отделе объявлений „Центральных известий“ переменить свою фамилию Макосеев на Лассаль. Но престарелые родственники, носители фамилии Макосеевых, опротестовали. И остался Макосеев — Макосеевым.

В сегодняшний день Макосеев вошел с целым набором самопишущих перьев и химических карандашей, которые торчали из бокового кармана пиджака, как патроны на череске. Левая петлица была вся усеяна значками МОПР, „Рот фронт“ и Осоавиахима, точно разноцветными бабочками.

В тресте АПУ, АТУ или АГУ — точно не помню — в одной из бесчисленных комнат, за одним из бесчисленных столов сидел, то-есть служил Макосеев.

Если начальство находилось сбоку, он озабоченно перелистывал какую-нибудь толстую папку, что-то выписывал на отдельный листок, бормотал числовые заклинания, теребил волосы — словом, изображал занятого человека так, как его изображают в театре.

Когда начальство уходило, — а оно пользовалось ненормированным временем и больше уходило, чем приходило, — Макосеев доставал из ящика стола бутерброд, завернутый во вчерашний номер газеты, и, усердно прожевывая неподатливую тешку, бросал робким посетителям:

— Я не обязан помнить.

— Это в мои обязанности не входит!

— Вас много, а я один!

Посетители, безнадежно потоптавшись на месте, уходили, а он просматривал вчерашнюю газету.

Повышался ли Макосеев по службе? Видимо, да. Об этом я сузу вот по чему.

Мы с ним довольно близко знакомы. Еще этой весной он при встрече поднимал по-пионерски руку и восклицал приветственно:

— А... а! Ну, как в общем? Дела идут? Контора пишет? Есть!

Потом, месяца полтора спустя, при встрече Макосеев посмотрел на меня уже взглядом переизмученного человека, бросил к козырьку кепки два пальца и сказал нахально:

— Здорово!

В третий раз он молча кивнул головой.

В четвертый, а было это уже на закате лета, он отвернулся.

В пятый — посмотрел на меня в упор и... не узнал. Точно плывал человек в стратосфере и все земное для него больше не существовало.

На-днях я опять его встретил. Кругом — на улице, на крышах — первый снег и последняя осенняя хлябь. И в эту непогоду вдруг расцветает то, что отцвело.

Распахнув объятия, Макосеев шел прямо на меня.

— А... а! Здорово, здорово! Сколько лет, сколько зим! Ну, как оно в общем? Ничего в общем?

Это было так неожиданно, что я попятился.

— А что... собственно, случилось? Что с вами, Макосеев? Почему вы такой? Приветливый такой, хороший? Узнаете... Разговариваете. В чем дело, Макосеев?

— Ну, что вы, что вы. Я всегда, знаете, к вам и с вами. Старый друг, как это говорится...

— Да в чем дело, Макосеев? Может, что по службе? Уж не сократили ли вас, Макосеев?

Он мягко, податливо, как собачка, которая встала на задние лапки, кивнул головой.

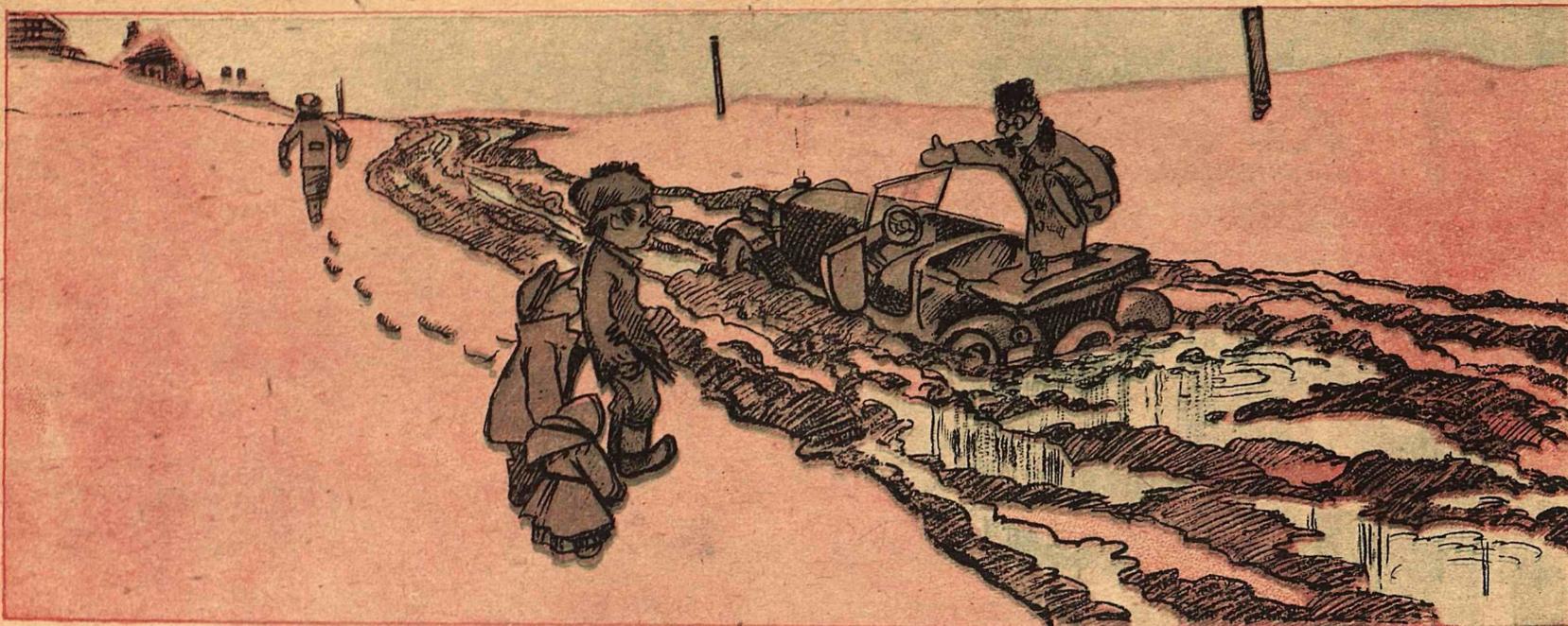
А. Митницкий

— Сократила всех семнадцать человек, но где взять шесть остальных?
— Зачем?

— А я попытаюсь организовать ликвидом на двадцать три человека

(М. Храпковский)

— Так как автомобиль до деревни все равно не доедет, позовите ее сюда. Я ей произнесу речь о десятилетии шефской работы

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

Рассказ Вас. ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА. Иллюстрации М. Вольпина

ВОЛОДЯ и Ниночка живут с папой и мамой, но жить им не легко, потому что у Володи папа не настоящий, а у Ниночки мама не настоящая. Ниночка — папина дочь от другой мамы, а Володя — мамин сын от другого папы.

Ниночке пять лет, Володе — шесть. Живут они в общем очень дружно и за два года совместной жизни успели крепко полюбить друг друга. Когда на дворе чужие мальчишки дразнят Ниночку, подпрыгивая на одной ножке, Володя всегда вступает за сестру, несмотря на численный перевес противника. С другой стороны, и Ниночка до слез защищает брата, когда ее товарки называют Володю паршивым мальчишкой и арапом, потому что Володя смугл и курчав. Она считает Володю самым лучшим из всех мальчишек, которые живут на свете. И ради него она покорно оставляет кукол, перестает играть в „гости“ и „в кооператив“ и становится самым свирепым „буденновцем“.

Зато, когда она болела скарлатиной и два месяца лежала в больнице, Володя геройски отказывался от всяких сладостей. И как только Ниночка вернулась, он выложил перед ней сразу кучу твердых, как камень, конфет, шесть кусков сахара и одно засохшее пирожное, а на придачу подарил ей свой самый любимый стеклянный шарик. Правда, папа тут же вернул ему его сладости, сказав, что Нине их есть нельзя. Но это дела не меняет...

Дружба и привязанность помогают Володе и Ниночке переносить всякие беды и неприятности. А неприятностей этих — хоть отбавляй!

Дело в том, что папа и мама вот уже два года никак не могут стать настоящими папой и мамой. Они оба работают, оба очень устают и дома очень часто ссорятся.

Если почтальон приносит маме большое синее письмо, папа сразу становится злым и сердитым. Если папа приходит поздно вечером и от него пахнет вином, мама не ест и не пьет и не хочет разговаривать.

Если в выходной день папа ходит весь день в старых шлепанцах и в рваном пиджаке, мама ругается. А когда она сама возьмет зеркальце и сразу станет румяной, красивой и душистой, папа начинает сердиться.

Впрочем, иногда они оба бывают красивыми и оба радуются: это когда они вдвоем идут в

театр или в гости. Но это бывает редко. Чаще они ссорятся.

И всегда им помогает ссориться папина тетка. Она живет в маленькой комнате рядом с уборной, смотрит за Ниной и Володи и готовит обед. И почему-то очень не любит маму, может быть, оттого, что мама гораздо моложе и добрей.

В общем за пятидневку папа с мамой обязательно хоть раз, да поссорятся.

А когда они поссорятся, мама всегда плачет и ужасно вдруг начинает любить Володю, а на Ниночку злится и не хочет смотреть. А папа, наоборот, делает вид, что он очень спокоен и весел, свистит и напевает и без конца ласкает Ниночку. К Володе он всегда придирается и обязательно найдет причину, чтобы выругать его и топнуть ногой.

— Безобразие, — скажет тогда папа. — Не понимаю, в кого уродился такой оболтус. Хорош, должно быть, у него был отец!

— Во всяком случае лучше тебя! — крикнет мама.

— Могу себе представить. Достаточно только поглядеть на Володю. Первый сорванец в доме. Должно быть яблочко от яблоньки недалеко упало.

Тут мама встает и сжимает кулаки:

— Опять?! Прощу не задевать моего сына и его отца. Ласкайте свою паршивую фитюльку и умиляйтесь. А нас прощу не трогать. Я горжусь своим сыном и счастлива, что он не походит на вас.

И мама крепко прижимает Володю к мокрому от слез лицу. А папа гладит по головке Ниночку и бурчит:

— Есть чем гордиться. Каждый день — жалобы от соседей. Даже сегодня пришел в синяках. Это, конечно, дело не мое, но поскольку мы живем вместе, я не могу молчать. Ведь твой образцовый сын портит мою дочь. Он ее тоже учит драться. Я должен положить этому конец. Раз ты не позволяешь наказывать этого хулигана...

Мама краснеет и быстро подходит к папе:

— Что ты сказал? Как ты сказал? Это называется — вос-пи-та-тель. Употреблять при детях такие слова и грозить наказанием... Ну, знаешь ли. Я тоже должна положить этому конец. Я не знаю, конечно, как долго мы еще будем вместе, надеюсь, что очень недолго, но я должна запретить Владимиру всякое общение с твоей обожаемой дочерью, потому что она — во-ров-ка! Да! Да! Да будет тебе известно: сегодня из ящика буфета она стащила яблоко. Вот плоды твоего воспитания. Можешь спросить ее сам.

Ниночке очень хочется, чтобы ее спросили. Она рассказала бы тогда, что Володя — вовсе не хулиган и синяки он получил сегодня, защищая ее от портновского Сережки. А Володя краснеет от желания рассказать, что это он подговорил Ниночку взять яблоко, которое нужно было отдать все тому же Сережке, потому что он самый сильный на дворе и теперь обещался не трогать Володю и Ниночку, даже защищать их от других мальчишек.

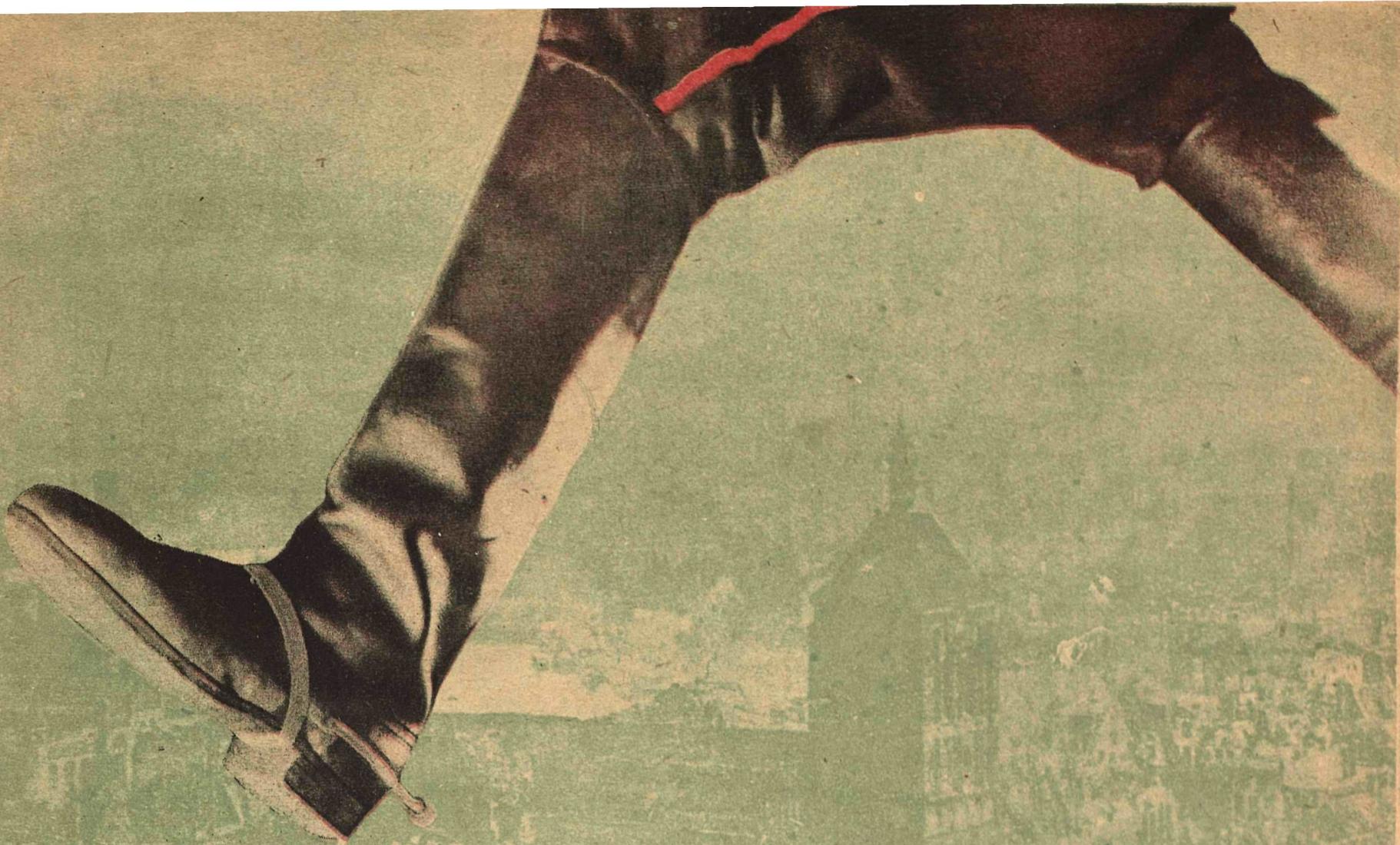
Но никто не спрашивает детей. Их только целуют и ругают.

К концу разговора папа забывает свои усмешки, перестает казаться спокойным и начинает громко кричать и ходить по комнате. Про Володю он уже не говорит, а вспоминает про письма в синих конвертах и бросает папиросу вместо пепельницы об стену. От папиросы разлетаются искры. Мама тушит их ногой и останавливает папу свистящим шопотом:

— Замолч-ч-ч-и, наконец-ц-ц-и... Тут же вокруг люди. Я терпеть не могу сплетен. Детям давно пора с-с-спать... Завтра с-спокойно в-с-се выяс-сс-ним. А с-с-сейчас-сс-с з-з-замолч-ч-ч-и.

Папа кричит: „Не хочу я молчать и не буду!“ И замолкает.

(В. Клиш)

СМЕНА КАБИНЕТА В ГЕРМАНИИ

Потом переносит молча ниночкину кроватку в соседнюю комнатку, угрюмо зовет с собой Нину, забирает с кровати подмышку подушку и уходит, защелкнувши дверь на крючок. Слышно, как приходит папина тетка и долго что-то бубнит папе, укладывая Ниночку спать. Папа ходит и молчит, а потом вдруг вскрикивает: „Ах, оставь меня, пожалуйста! Без тебя знаю, что мне делать“. Тогда тетка обижается и хлопает дверью. Папа сопит и вздыхает, а потом надевает пальто и калоши и уходит по коридору, почему-то всегда на цыпочках.

Мама долго нянчится с Володей, целует его, гладит по голове и дает ему из шкафчика все запретные сласти, которые Володе сейчас вообще не хочется есть. Потом, сразу вдруг уставши, мама отталкивает его и говорит скучным голосом:

— Надо спать, Владимир! Пора!

И пока Володя раздевается и засыпает, она сидит неподвижно, как каменная, и смотрит в одну точку...

На другой день за утренним чаем мама и папа говорят мало, хрипло и тихо и не глядят друг другу в глаза. Папина тетка все время заговаривает с папой и бросает сердитые взгляды на маму, которая ничего не ест и только пичкает Володю

Потом папа с мамой уходят на работу, а папина тетка берет сумку и зовет с собой Ниночку идти на базар. Но Ниночка всегда капризничает, плачет и отказывается.

И когда за папиной тетрой закрывается дверь, дети начинают играть и разговаривать сначала всегда шопотом и с опаской.

Володя угощает Ниночку сладостями, которые он вчера предусмотрительно припрятал. А Ниночка обещает Володе:

— Я тебе подарю мячик большой-большо-о-ой. Вот такой. Мне вчера папа обещал. Он будет мой, и играть в него будешь ты. Хорошо?

— Хорошо, — отвечает Володя. — А я для тебя стащу много, много яблок.

Ниночка испуганно таращит глаза.

— Ой! Не надо таскать. Мы знаешь чего? Мы, когда вырастем большие, мы с тобой выйдем замуж. Да-а.

— Да, — отвечает Володя. — И у нас будет много, много жалованья... Каждый день.

— Давай сейчас играть „в замуж“, — говорит Ниночка.

— Давай.

И Володя, свернув из бумаги трубочку, начинает бегать по комнате и делает вид, что он курит:

— Пуф-пуф. Целуйтесь со своей фитиолькой. Пуф-пуф. Так дальше жить невозможно. Пуф-пуф. Я работаю, как вол.

— А вы разбили мне жизнь, и я горжусь! — говорит Ниночка. — Да, да, горжусь, потому что у меня есть кукла, а у вас нету.

— Ваша кукла воровка. И я не возьму ее летом к бабушке, когда мы поедем все в Астополь. Мишку своего возьму, а вашу куклу не возьму.

— И не надо! Ваш Мишка портит мою куклу, потому что... потому что вы растите его фулюганом. Вот и все!

Вас. Лебедев-Кумач

СМЕХ НА ПЕРИФЕРИИ

ПОКА БОЙКО шла культ.-птицеводческая мелодрама семи соавторов „Лицом к курице“ и готовилась производственная новинка „Ноктюрн о подметке“, директор театра Полукарпов не волновался о репертуаре.

Но потом сборы стали падать. В „Ноктюрн о подметке“ ввели цифровой романс под скрипку и кино — показ весеннего засева раннего укропа; девятый апофеозный акт в „Лицом к курице“ перемонтировали на сплошной балет, — ничего не помогало.

— Нам нужна комедия, — горько покачал головой Полукарпов, — нам нужен смех. Настоящий производственный смех. Смех над конкретным носителем зла. Лучше всего областным носителем или, знаете, лучше — районным.

— Сейчас лето, — вздохнул его заместитель Деткин, — городские носители зла в отпуску. Районные — на курортах.

— Можно сатирически ударить по отчетам Откомхоза за 1927 год, — сухо остановил его Полукарпов, — нам нужно знать наше прошлое. Только имейте в виду беспредметный смех я не допущу. Смех должен организовать, чтобы зритель мог в антракте записать, над чем он смеялся. Вызовите завтра к семи часам утра автора Садеева.

— У нас же третий год его драма „Плацкарта энтузиаста“ без ответа лежит... Четверо суток в раздевалке сидел, дожидался... Обиделся...

— Скажите, теперь прочли и понравилось. Пусть к пятнице ее в комедию переделает.

— Это же драма...

— Все равно. Нам по плану этого сезона нужен смех. Пусть в ударном порядке переделает.

На другое утро автор Садеев испуганно смотрел на Деткина и мял в руках желтую, обмахренную рукопись.

— Это же творчески немыслимо, — виновато и хрипло умолял он, тяжело дыша, — во втором акте у меня старая бабушка от бесцельности мировоззрения помирает, в третьем — вредители гайку подтачивают, в четвертом — фашисты говорят свое грозное „ха-ха“ республиканскому строю, а вы — в комедию!

— Шекспир тоже писал, — тонко заметил Деткин.

— Так у него бабушка во втором акте не помирала, — оправдался Садеев.

— Ну, это смотря в каком разрезе, — отмахнулся Деткин. — Шекспира понимать надо. Это вам не Шиллер. Так переделаете?

— Ну, как же я переделаю? — горько вздохнул Садеев. — У меня же во втором акте...

— Знаю. Бабушка. Это место можно оставить целиком. Только пусть она повеселее умирает. С танцами, что-ли... Вы же драматург, а не я.

— С танцами нельзя. Ей семьдесят два стукнуло. У нее внуки — счетоводы.

— Ну, пусть споет что-нибудь легонькое перед смертью. А внуки поиграют что-нибудь на гитаре. Только не на гавайской. Гавайская — это еще рано.

— Хорошо, — записал Садеев, — заставлю ее спеть. Из Вагнера?

— Что-нибудь полегче. Вагнер — это недопустимо. Лучше из Листа или из Стравиниуса. Знаете, у которого скрипки дорогие были. И только на актуальную тематику. Смех должен быть оправдан. Пусть насчет истребления сусликов что-нибудь, с рефреном. А в рефренчике — кое-какие точные данные... Вчера в газете, в экономическом отделе, были... интересные сводки...

— А это смешно, — осторожно справился Садеев, — если старушка перед смертью насчет сусликов с цифрами затянется?

— Во всяком случае угробным смехом никто не засмеется, — сухо остановил его Деткин, — не шансонетку же петь советскому покойнику.

— А вот у меня в третьем акте...

— Знаю. Вредители? Сделайте их эстрадными. Будто бы пришли четыре эстрадника на заседание жакта и стали читать монологи.

— О чем?

— Тут можно чисто развлекательное. У нас есть договоренность с „Обществом друзей колумбария“. Там вам дадут темку. Не забудьте только вставить их осенний баланс. Требуют. Понятно?

Хорошо, — тупо уронил Садеев, — понятно.

Через тринадцать часов девять минут он снова пришел к Деткину и разбитым голосом шепнул:

ПАРАДОКСЫ СОКРАЩЕНИЯ

(А. Топиков)

— Теперь ты будешь безработным?!

— Нет, безработным я был до сокращения, теперь, пожалуй, работать придется...

— Не выходит. Не умирает, проклятая, под суслика! Конечно смешно, что старушка лежит и голосит, а только суслик здесь ни при чем. Не чувствуется его. Обратное впечатление получается.

— Не по тому, значит, бьете. Выкиньте старушку из акта.

— Не выкинешь. Крепко вклеена. Может, без суслика можно?

— Беспредметно без суслика. Угробный смех получается. Замените суслика ускоренным дачным строительством.

— С рефреном?

— Только с конкретными цифрами. Общий подсчет очень тускло звучит под легкую музыку.

Еще через семнадцать часов Садеев прибежал, в халате, в калошах на босую ногу, и разбудил Деткина.

— Фашисты не перемещаются... Можно вредителей в четвертый акт под пианино?

— Можно, — позевывая, ответил Деткин, натягивая одеяло, — сделайте их упрощенцами из Наркомзема и только, чтобы смешнее. Нам нужен смех... Осторожнее, это окно, а не дверь...

На генеральной репетиции смеялся только один представитель ассоциации пианинных настройщиков, который вспомнил, как он не заплатил за бутылку сидра в городском саду. Остальные зрители молчали. Некоторые даже плакали, жалея умирающую старушку, переходящую в иной мир на последнем рефрене о сроке взносов на ускоренное дачное строительство.

— Я же говорил, — ехидно шептал Деткин Полукарпову, — кому же нужна в наше время сатира?... А вы — комедию, комедию...

— Слишком много угробного смеха, — сердито огрызнулся Полукарпов. — Смех должен быть серьезнее, обоснованнее, предметнее...

Представитель реперткома пьесу снял.

— Скажите, кто из них сумасшедший, — тихо спросил он, наклоняясь к Деткину, — Полукарпов или Садеев?

— Я, — так же тихо ответил Деткин. — Я забыл сказать автору, чтобы он коснулся льноводческой проблемы... Какой же без нее смех? Нет, не умеем мы еще по-настоящему весело смеяться... Не умеем...

Арк. Бухов

СЧАСТЛИВЫЙ ВЫХОД

С „БЛАГОРОДНЫМ опозданием“ Почты некий подотдел Дружно соцсоревнованьем Вдруг заняться захотел.

В честь немногих, кто ударно Выполняет промфинплан, Нарисован (пребездарно) На доске аэроплан.

Вот авто стремится прытко... Мотоцикл, вошедший в раж, Черепаха и улитка Завершают весь пейзаж.

Ну, а дальше? В подотделе Много таких сидит, Кто работает на деле Даже медленней улит!

С чем сравнить их? Ну и драма! В это время, как на грех, Кто-то вспомнил: — Телеграмма Ходит медленнее всех!

Пусть художник непременно Без боязни кисть берет: — Телеграмма, несомненно, От улитки отстает!

Г. Шеб.

ЖАЛОБЫ НА МИТРОПОЛИТА

Наконец-то самокритика докатилась и до православной церкви! Да еще какая самокритика — „незвизрая на лица!“ Каленым железом! Сами церковники прут с жалобой на своего „пастыря“ — митрополита Введенского. И куда бы вы думали?! К самым заядлым безбожникам — к товарищу Ярославскому и к „Крокодилу“.

Некий „архитектор-художник“ Михайловский слезно сообщает нам:

„Митрополит А. Введенский ВО ВРЕМЯ ЛИТУРГИИ В АЛТАРЕ (!) обратился ко мне с просьбой составить ему архитектурный проект дома-особняка“.

„Митрополитстрой“ проектировался как мощное и солидное здание: вестибюль, антре, 12 комнат и даже „гардманже для вин и фруктов“. Командир церкви решил жить на широкую ногу.

Однако, когда дело дошло до уплаты 550 руб. за сделанный проект, Введенский просто заматал деньги.

В результате, сославшись на апостола Павла „во втором послании к коринфянам“, обжужуленный архитектор приходит к печальному выводу:

„что митрополит А. Введенский не достоин быть наместником апостолов и носить чин митрополита, он умаляет ДОСТОИНСТВО (?) древних иерархов, что для истинных христиан очень печально“.

Далее уже и оргвыводы:

„Может ли быть главою церковного движения подобная личность? Пусть полюбуются православные рабские на А. Введенского“.

Напрасно только Михайловский взывает к рабочим: им в высшей степени наплевать и на митрополита и на самого „архитектора-художника“. О мышиной возне церковников мы рассказываем просто, как о курьезе наших дней. Не важны, видать, „православные“ дела, если уж споры в алтаре приходится разрешать в Центральном совете безбожников!

Эля

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, заглянув в забор щелку, Видит, что овцы воруют пастуха, Скавал насмешливо: — Хи-хи!

Не подражай, читатель, волку. Факт воровства бесспорен, но Сво несколько не смешно.

Эмиль Кроткий

СВЕРХСОЗНАТЕЛЬНАЯ АРТЕЛЬ

В РЕДАКЦИЮ доставлена оригинальная массивная пепельница К сожалению, артель, производящая ее, не поставила своего наименования, но ограничилась следующим таинственным знаком: перекрещенные в квадрате ложка и молоток, буква „т“ над ними и рядом — № 19. Думаем все же, что и по этим иероглифам нетрудно будет восстановить адрес талантливых мастеров, дабы полные признательности курильщики могли излить им свои чувства.

Дело в том, что по форме и раскраске пепельница напоминает нето урну из крематория, нето уютный семейный склеп. А через всю ее поверхность проходит окруженная изящным орнаментом

крупная надпись: „Всякий курильщик приближает себя к смерти“.

Сознательная артель решила, очевидно, что если ей и приходится потакать пагубным привычкам потребителя, то предупредить все же надо.

Но чем курильщики лучше прочих граждан? Всякий потребитель должен быть предупрежден. При пользовании методом артели это выйдет так:

Над кассами железных дорог — статистика крушений от степеносновской ракеты до наших дней (смертельные случаи в процентах отделино).

В загсе рядом со столом регистрации браков — иллюстрированные таблицы женских болезней и модель детского гроба.

Особенно эффектно станет выглядеть преискурант ресторана, где рядом с названиями кушаний будет в скобках указано, к каким болезням употребление этих кушаний может привести. Например: „Щи из капусты“ (хронический запор), „Баранина жареная“ (воспаление кишок), „Компот из абрикосов“ (сахарная болезнь, менингит, холера).

А дабы потребитель был предупрежден вполне и всесторонне, на лбу председателя артели следует выгравировать, обрвав ее орнаментом, изображенным на пепельнице, надпись:

„Больше всего опасайтесь дураков“.

Наташа

ГОРЕ ПОЭТА

ЖИЛ-был поэт,
писал стихи в тетрадку —
Не очень, чтобы очень, нет, —
На всех похоже, но довольно
гладко.

И (как всегда в рассказах
говорится) вдруг —
Повсюду стали жать на обезличку...
Поэта обуял испуг,
И вспыхнул он, как экспортная
спичка.

И, похуев в предчувствии конца,
Он молвил так: — Живу последний
день я,

Ведь не имел я никогда лица...
Да! Так сказать, со дня
рождения! —
Он оторвал веревку от портьеры,
Напился, поревел и... поступил в
курьеры!

Поэты! Подождите морщить лоб!
Живут еще безликие поэты.
Столь совестливых между ними
нету.

Эх, если б были! Хорошо б!

Р. Роман

(А. Генч)

... — А еще говорят, что мы ничего не стояли на работе

Клетка для кроликов стоит 80 руб.

(К. Романов)

К. Р. 32

— Итак, граждане кролики, условия найма божеские: в'ездные — 80 р., квартплата — 10 р. в месяц, за 2 года вперед, ремонт ваш, комуслуги ваши.
10 Зато похороны за наш счет

(К. Елисео)

I

ЗЛЕХАЛ с супругой я как-то
К товарищу в гости. И вдруг
Сказала супруга: „Де-факто,
Не нашего круга твой друг“.
Затем, с ледяною усмешкой
(А было все это зимой)
Шепнула: „Секунды не мешкай,
Сейчас же поедem домой!“
Я молвил: „Придумаешь тоже!..
Ей-богу, ответственный он!..
Она же: „Да, как же, похоже!..
А где ж у него патефон?!“
Чтоб тучи убрать с горизонта,
Ответил я: „Сдан в Мостремас,
На-днях возвратят из ремонта...“
И тем положение спас!

II

Однажды в нашем Зе-Эр-Ка
Я получил большую щуку
И призадумался слегка,
Забрав попку эту в руку:
„Не спорю, сытен жирный кус
От этой крупной хищной рыбы...
Но у меня такой уж вкус,
Что я охотней с'ел икры бы!..
Вот так иной райпрокурор:
Для спекулянта — добрый гений,
Но строг его небдящий взор
Для мелких правонарушений!

Беспартийный
Савелий Октябрев

КОНТРА

ВАГОН трамвая двинулся. Двое граждан, тщетно пытавшихся упрочить свое положение на краю подножки, соскочили и оба одновременно произнесли:

— О, ч-ч-чорт!..

Затем один из них, приземистый и с полнотою, изложил другому мотивы своего обращения к нечистому духу:

— Вы мне ногу отдавили. Поосторожнее надо бы, гражданин!

Другой, высокий и потоньше, язвительно возразил:

— А может, вы мне весь бок протолкали доктем? Подумаешь, важность ваша нога! Принципиальный вопрос начнете делать из какой-то ноги! А не нравится, чтоб вам ноги отдавливали, так нанимали бы...
— Знаю, знаю, — поспешно перебил приземистый, — нанимали бы такси или автомобиль себе в Торгсине купили бы, если вы такой фон-барон! Так?

Высокий подтвердил:

— Вот. Именно. Совершенно правильно!

— Совершенно неправильно, — сказал приземистый. — Можно и в трамвае держать себя культурнее. Правда, плохо у нас с трамваем: теснота, давка, но все-таки...
— Что?.. — строго спросил высокий. — У нас плохо с трамваем? Это уж, гражданин, демагогия!

Приземистый пожал плечами:

— Ну, уж... В чем же тут демагогия?

— Ни в чем она тут: голая она тут и неприкрытая, — сурово пояснил высокий. — Как же так можно говорить, гражданин? Если вы, может, например, не читали поэта Некрасова, так я вам напомню. „Видь на Волгу, чей сто-он раздастся?.. То бурлаки идут бичевой!“ Бичевой!.. Это вам как?

— Не понимаю. При чем тут Некрасов и... бичева?

— Ведь ты эту ударницу уже писала.
— Теперь она уже не ударница, а колхозница. Видишь, на ней другой платочек.

— А надо бы понимать, гражданин! Бичевой шли, и стон раздавался... Вот как раньше-то было. А теперь вас в трамвае чуть потолкают, так вам уж плохо! Впрочем, конечно: не нравится если, — покупали бы себе автомобиль да и ездили бы.
Приземистый улыбнулся.

— Нет, не куплю. Придется уж, видно, пешком итти, хоть и без бичевы, но приятного мало.

— А вам бы только приятностей? — с явным негодованием сказал высокий. — Ишь ты, барин какой! Вы Шоссе энтузиастов знаете, гражданин?

— Ну, знаю.

— Вот. Владимиркой раньше называлось. И по этой по самой по Владимирке люди, бывало, сотни верст шли, кандалами звеня! Кандалами!.. А вам безо всяких без кандалов два километра по асфальту пройти — и то тяжело. Постыдились бы говорить, гражданин!

— Нечего мне стыдиться, — сказал приземистый. — Предпочитаю ездить, а не пешком ходить, вот и все!

Высокий саркастически ухмыльнулся и передразнил:

— „Предпочитаю“!.. Ишь ты, скажи ж ты!.. Может, вы котлеточки телячьи предпочитаете, вместо чем черный хлеб по карточкам?

— Так точно, — сознался приземистый. Этого высокий не выдержал. Он сложил ку-

киш, поднес его к носу приземистого и зло-вещим голосом произнес:

— Вот, нате-ко-ся!.. На закусочку! Это, может, в прежние времена вашему брату полагалось есть ананасы и рябчика жевать, а теперь — во!..

— Нет, — спокойно сказал приземистый, — в прежние времена нашему брату такой пищи не полагалось. А вот в будущие — поедим, надеюсь, и ананасов.

Высокий оторопел.
— Это как же, например, понимать? — спросил он хмуро и грозно. — Это в какие в такие в будущие?

— Надеюсь, что не в отдаленные, — ответил приземистый.

— Ананасов?
— Ананасов.

— Та-ак! — мрачно протянул высокий. — Это уж что же... Это уж прямая и открытая контра выходит! Это уж я и не знаю... Это так оставить нельзя!..

— И не оставляйте, — посоветовал приземистый. — Не оставляйте, а я пойду. Надоели вы мне. Пока!

Высокий растерянно поглядел по сторонам, покрутил головой и пробормотал, ни к кому не обращаясь:

— Развелось их опять, контриков этих!.. Ни пройти ни проехать. Нахальство какое!

Грамен

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦ.: Москва, ул. Горького, 3. Телеф. 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журн. „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Митницкий.

Зав. редакцией И. Абрамский

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 1199

Сдача текста и рисунков — 1/ХП.

Подпись к печати — 9/ХП.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 19249

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 3083. Тираж 400.000 экз.

42

(В. Ковалинский)

20/11

46901

28 ДЕК 1932

18/11/32

К ЭПИДЕМИИ СНОСОВ

— Это что за леса у Триумфальной арки?
 — Кто его знает! Если районная комиссия поставила, то для сноса, а если центральная, — то для ремонта

(Ю. Ганф)

10/11/32

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ГОЛУБУЮ ДАЛЬ

— Три года представлял в Москве трест и только из постановления ЦКК о закрытии представительства узнал, что он выработывал металлические изделия.